Мартинович Г. А. **К проблеме эволюции языка** / Г. А. Мартинович // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – 1992. – Вып. 2. С. 22–31.

О возникновении и становлении языка в связи с происхождением человека (человеческого общества) написано достаточно много[1]. По мнению Б. В. Якушина, эта проблема в основном решена на «уровне общего методологического подхода, формулировки принципов решения». Многое сделано отечественными и зарубежными исследователями и в области «конкретизации методологической концепции на уровне схемы». Уровень же «конкретной, поэтапной „программы“, в которой реализуется схема», все еще ожидает своего решения»[2]. При этом, несмотря на наличие значительного количества исследований по проблемам первобытного (родоплеменного) общества[3], практически белым пятном в науке остаются вопросы возникновения языка (языков?) этого общества (обществ?), процессы развития языка в дописьменный период и становление письменных языков[4]. В свою очередь, значительные исследования проведены в области сравнительно

---

[1] См., например: *Леонтьев А. А.* Возникновение и первоначальное развитие языков. М., 1963; *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 1963; *Кликс Ф.* Пробуждающиеся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983; *Панов Е. Н.* Знаки, символы, языки. М., 1984; *Якушин Б. В.* Гипотезы о происхождении языка. М., 1985.

[2] *Якушин Б. В.* Происхождение человека и языка в процессе трудовой деятельности // Онтология языка как общественного явления. М., 1983. С. 65-68.

[3] Началом научных исследований этого периода в истории человечества принято считать, как известно, фундаментальные работы Л. Г. Моргана (Древнейшее общество, 1877) и Ф. Энгельса (Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1884).

[4] Обычно исследователи ограничиваются здесь лишь самыми общими замечаниями относительно принципиальных моментов устройства языка первобытного общества и помещают этот язык где-то возле «языка» обезьян и детской речи. См. Якушин Б. В. Указ. соч.

исторического языкознания[5]. Благодаря этому к настоящему времени мы имеем подробные описания истории языковых семей и групп, конкретных языков и отдельных лингвистических явлений. Однако вопросы внутреннего механизма («механики») развития и совершенствования языка, самой языковой эволюции, ее движущих сил и закономерностей все еще остаются исследованными лишь в незначительной степени. Рассмотрим некоторые из них.

I

Диалектический материализм расценивает отражение как всеобщее свойство материи, заключающееся в способности материальных тел посредством собственных изменений воспроизводить с различной степенью точности (относительно адекватно) определенные стороны взаимодействующих с ними объектов[6]. Характер отражения при этом зависит от уровня организации материи, а само отражение качественно различается в живой и неживой природе. В самом общем виде можно выделить четыре основных уровня отражения: 1) пассивное (инертное) воспроизводство телами неживой природы в структуре оставляемых в них следов свойств взаимодействующих с этими телами объектов; 2) активное, самостоятельное реагирование в целях самосохранения и самоприспособления простейших организмов живой природы, не обладающих нервной системой; 3) условно-рефлекторное отражение в психической деятельности животных, обладающих нервной системой (мозгом); 4) общественно обусловленное, сознательное отражение человека, отражение в активной предметной деятельности (труде), направленной на преобразование и приспособление к своим потребностям

---

[5] См., например, работы А. Х. Востокова, Г. П. Павского, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. А. Богородицкого, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, Н. Я. Марра, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, Е. Д. Поливанова, Ф. П. Филина, И. И. Мещанинова, Т. П. Ломтева, Б. А. Серебренникова, Н. А. Мещерского, Вяч. Вс. Иванова, Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Колесова и др.

[6] «…Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу, родственным с ощущением, свойством отражения…» (Ленин, 1969, т. 18, с. 91).

окружающей действительности. Схематически ведущий характер отражения на этих уровнях можно представить следующим образом:

механические изменения — раздражимость — ощущение — сознание.

В то же время обнаруживается, по-видимому, еще одно, родственное отражению, всеобщее свойство материи. Это свойство самовыражения и самопредставления, свойство репрезентации своего состояния, своих внешних и внутренних изменений остальному миру. Оно заключается в способности материальных тел тем или иным образом, в тех или иных материальных явлениях (репрезентантах) «выводить» наружу (экстериоризировать) свой собственный мир и его изменения и тем самым представлять их окружающей действительности[7]. В сущности, отражение и самовыражение — это две грани одного явления, представляющего собой способ осуществления всеобщей взаимосвязи и взаимодействия явлений природы.

Так же как и отражение, самовыражение качественно различается на определенных уровнях организации материи. Например, в неживой природе камень, подвергшийся какому-то воздействию (удару, нагреву и т. п.), не только отразит это воздействие и тем самым «запечатлеет» в себе информацию о воздействующем предмете, но и незамедлительно каким-то образом выразит произошедшие в нем изменения, представит их (звуковыми волнами, тепловым излучением и т. п.) окружающему миру и тем самым в свою очередь «проинформирует» его об этих изменениях («речь камня»)[8]. Это будут, конечно, чисто механические отражение и выражение (представление).

В настоящее время появляется все больше сведений об обмене информацией простейшими организмами (вирусами, бактериями) и растениями. В этом случае происходит уже активное реагирование, что приводит обычно к адекватным изменениям (например, к гибели) в

[7] Обычно это явления волновой природы — тепловое и световое излучения, звуки, радиоволны и т. п.

[8] При нагреве камня до значительных температур к тепловой «информации» может прибавиться еще и световая (при раскаливании), при охлаждении до абсолютного нуля (–273°С) всякое излучение должно полностью прекратиться («мертвый камень»).

«коммуникантах» — изменения в получателе информации отражают изменения, произошедшие в отправителе[9].

Еще более высокий уровень информационно-регуляционного поведения находим в мире животных, обладающих нервной системой. Об этом написано довольно много[10]. Высший уровень выражения и репрезентации внутреннего мира (мира собственно человеческих мыслей и чувств), а также информации и регуляции — коммуникативно-номинативный уровень — представляет, несомненно, речевое общение людей. Показательно также, что наряду с традиционным изучением, можно сказать, привычных способов человеческого общения (мимика, жест, речь и т. д.) в последнее время наблюдается все более растущий интерес к различным видам экстрасенсорики, энергоинформационного обмена и т. п.

Всё это говорит о том, что как в неживой природе мы находим свойство, близкое свойству живой природы ощущать, — свойство отражать, так в неживой природе мы находим свойство, близкое свойству живой природы общаться, — свойство выражать и представлять окружающему миру свое состояние и его изменения и тем самым информировать этот мир о себе при помощи различного рода материальных явлений (в философии это получило название «потенциальной информации»[11]).

---

[9] Об этом, например, много говорил в своих выступлениях академик Академии медицинских наук СССР В. П. Казначеев (см., напр.: Ленингр. рабочий. 1990. 12 янв. С. 11).

[10] См., например: *Жантиев Р. Д.* Биоакустика насекомых. М., 1981; *Константинов А. И., Мовчан В. Н.* Звуки в жизни зверей, Л., 1985; *Линден Ю.* Обезьяны, человек и язык. М., 19881; *Панов Е. Н.* Знаки, символы, языки. М., 1983; *Фирсов Л. А., Плотников В. Ю.* Голосовое поведение антропоидов. Л., 1981; *Фриш К.* Из жизни пчел. М., 1980; *Хаксли Дж., Кох Л.* Язык животных. М., 1968.

[11] «Теория информации обычно имеет дело с относительной информацией, которая тесно связана с отражением. Если в предмете происходят изменения, отражающие воздействия другого предмета, то можно сказать, что первый предмет становится носителем информации о втором предмете… Относительная информация из потенциальной, какой она является в докибернетических системах (системах неживой природы, не связанных с управлением), превращается здесь в актуальную информацию, т. е. отражение,

Следовательно, отражение и самовыражение («самопредставление»), обеспечивающие глобальное «общение» (взаимосвязь и взаимодействие), необходимо рассматривать в качестве объективной предпосылки явлений коммуникативного характера в живой природе и собственно речевого общения людей, предпосылки, заложенной в самих фундаментальных свойствах материи, без которой этот гигантский качественный скачок от механического к человеческому общению был бы просто невозможен. Человеческая речь, таким образом, несмотря на все ее своеобразие и уникальность, не представляет собою некий изолированный феномен в природе. Это объективное явление, необходимо присущее высокоорганизованной материи. Его возникновение предопределено всем ходом развития материального мира и обусловлено примитивными зачатками общения (отражением и самовыражением) в неживой природе. Конечно, «речь» камня так же далека от речи человека, как далеко, допустим, отражение камнем упавшей на него капли воды от эстетического отражения человеком красоты природы в художественных произведениях и т. п. Проведение каких бы то ни было параллелей между этими явлениями возможно только при рассмотрении некоторых принципиальных проблем гносеологического характера. Всякое их отождествление, аналогизация, приравнивание т. п. будут, несомненно, недопустимой вульгаризацией.

Таковы, как нам представляется, важнейшие объективные предпосылки, предопределяющие саму возможность возникновения в силу хорошо известных причин речевого общения людей и языка (языковой системы) как средства (инструмента, орудия) такого общения[12]. Язык, однако, постоянно находится в развитии и совершенствовании. Как они осуществляются?

пассивное в докибернетических системах, становится активным отражением» (*Философский* словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1987. С. 172).

[12] *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20; *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.

II

Всякое развитие, как известно, может быть рассмотрено со стороны его характера (эволюционное — революционное), сущности (соотношение образующих процесса в начальной и конечной точках) и механизма (механика, движущие силы, закономерности и условия)[13]. Все эти моменты, очевидно, должны учитываться и при исследовании языковых изменений.

По своему в е д у щ е м у характеру развитие языка, несомненно, представляет собою эволюционный путь развития, так как революции языку противопоказаны принципиально. В противном случае сменяющиеся поколения людей просто перестали бы понимать друг друга. Следовательно, развитие языка должно подчиняться всем о б щ и м закономерностям эволюционного развития в их ч а с т н о й (собственно языковой) форме проявления и, как и другие виды эволюции, может быть исследовано на разных уровнях — от, образно говоря, языкового «атомно-молекулярного» и «клеточного» (уровень звуков, слогов, морфем, слов и синтаксических конструкций) до «популяционного» и родовидового (уровень наречий (говоров), языков, их групп, ветвей и семей)[14].

Изучением сущности развития языка уже давно занимается общее и частное сравнительно-историческое языкознание, прежде всего с точки зрения диахронического (регистрация изменений) и синхронического (системного) подходов как к отдельным языковым явлениям, так и к целым языкам и их совокупностям.

Что касается собственно исторического подхода, предполагающего не только регистрацию и описание явлений, но и выяснение причин этих изменений, условий процесса развития, его механизма и т. п., то здесь основное внимание обычно уделяется внешним (экстралингвистическим) и внутренним

---

[13] *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. С. 50-63.

[14] Наиболее общие закономерности и особенности эволюции языка подробно рассмотрены в работах Б. Х. Бичакджяна (см., например: *Bernard H. Bichakjian*. Evolution in Language. Karoma Publishers, inc. 1988; *Бичакджян Б. Х.* Эволюция языка: развитие в свете теории Дарвина // Вопросы языкознания. 1992, № 2. С. 123-134).

(собственно лингвистическим) причинам (их особенностям и взаимодействию) языковых изменений в рамках общих проблем связи жизни языка с жизнью народа (язык и общество, язык и культура и т. п.)[15]. Проблемы же, касающиеся, непосредственно внутренней механики изменений языка и его отдельных явлений, всё еще остаются недостаточно исследованными[16].

Остановимся на рассмотрения некоторых аспектов механизма эволюции языка на элементарном («атомно-молекулярном» и «клеточном») уровне, т. е. на исходных моментах эволюции языков и языковых популяций.

III

Центральными понятиями эволюционного учения являются понятия мутации, борьбы за существование, естественного и искусственного (селекция) отбора и адаптации. Материалом для эволюции в живой природе на молекулярном уровне служат «генеративные мутации и их сочетания»[17]. Спонтанные и случайные мутационные процессы постоянно происходят в молекулах клеток живых организмов, в том числе и в ответственных за передачу наследственной информации молекулах — ДНК и РНК. По существующим воззрениям мутации способны к построению себе подобных и отталкиванию их от себя (редупликации). В работах Н. В. Тимофеева-Ресовского данное явление получило название «конвариантной редупликации, т. е. редупликации живых частиц, включающей наследственные мутации»[18]. Однако далеко не все мутации действительно реализуют свою

---

[15] См.: *Роль* человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М., 1988; *Серебренников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.

[16] В качестве примера подобных исследований можно привести главы «Внутренние противоречия как источник развития языка» и «К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка» из книги Т. П. Ломтева (*Ломтев Т. П.* Общее и русское языкознание. М., I976. С. 12–24; 312–324).

[17] *Гершензон С. М.* Молекулярная биология и теория эволюции // Философия и теория эволюции. М., 1974. С. 77.

[18] *Тимофеев-Ресовский Н. В.* Генетика, эволюция и теория биологии // Кибернетика живого: Биология и информатика. М., 1984. С. 21.

наследственность, а единственно лишь способные активно существовать (обмениваться веществами, размножаться и т. п.) в определенных условиях, т. е. мутации, реально отобранные этими условиями, победившие в конкурентной борьбе за выживание и существование. Таким образом, основу эволюционного процесса составляет не способность мутаций к наследственности сама по себе (предпосылка эволюции), а действительно р е а л и з у е м а я наследственность. В свою очередь, адаптация — это не сохранение каким-то образом приспособившегося к новым условиям собственно старого, а своеобразное делегирование старым для жизни в новых (полезных для делегированных и вредных для остальных) условиях одного (или нескольких) из его бесчисленных мутационных вариантов и его дальнейшее полноценное существование в этих условиях. В конечном итоге, именно с мутационных изменений молекул и их отбора начинается деление недифференцированных ранее сообществ однотипных индивидов на виды, роды, семейства и классы.

Аналогичные явления можно наблюдать и в области эволюции языка[19].

В работе «К проблеме онтологии языка»[20] нами было показано, что язык как система существует в диалектическом единстве материальной и идеальной форм, представляющих собою единство противоположностей и создающих то основное внутреннее собственно языковое противоречие (напряжение), разрешение которого и определяет основные закономерности исторического развития и совершенствования языка. Важнейшую роль в этом развитии, как

---

[19] Ср. в связи с этим рассмотрение Т. П. Гамкрелидзе соображений Р. О. Якобсона о «эволюционном процессе наложения лингвистического кода непосредственно на генетический и копирования его структурных принципов» (*Гамкрелидзе Т. В.*: Р. О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семантическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5-8).

[20] *Мартинович Г. А.* К проблеме онтологии языка // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – 1989. – Вып. 3. С. 54–60.

известно, играют статистические (вероятностные) законы[21]. Элементы языкового сознания (языка в идеальной форме) подвержены в пределах своих свойств и возможностей постоянным, спонтанным и случайным мутациям на всех языковых уровнях. Непосредственные проявления этих мутаций можно наблюдать на фактах исторического изменения языка, на особенностях реализации тех или иных лингвистических явлений в различных сферах и вариантах национального языка и в родственных языках, на так называемых речевых ошибках, окказионализмах, употреблениях детской речи, индивидуально-авторских употреблениях и т. п. Языковые мутации, проявляющиеся в речи, неизбежно вступают в языковом сознании носителей языка в борьбу как между собою, так и с закрепленными (зафиксированными) в этом сознании элементами стандартной языковой системы, с самой языковой нормой и, как правило, на первых порах отторгаются этой системой[22]. В дальнейшем они либо отторгаются окончательно, либо входят в систему (отбираются системой) и со временем сами становятся нормой (кодифицированной или узуальной), изменяя тем самым и саму систему. Здесь, таким образом, также постоянно идет своеобразная борьба за существование, борьба, в которой достаточно часто побеждают элементы, в наибольшей мере соответствующие общим динамическим тенденциям в развитии языка. Однако это не носит обязательного характера, так как статистические законы всегда предполагают возможность нескольких решений, каждое из которых осуществляется лишь с определенной степенью вероятности. Утверждение в качестве нормы той или иной конкретной мутации, того или иного первоначально случайно проявившегося варианта обусловлено каждый раз множеством экстралингвистических и собственно лингвистических факторов, условий, а иногда и просто случайностей. Всем этим, в частности,

---

[21] См., например: *Березин Ф. М., Головин Б. Н.* Общее языкознание. М., 1979. С. 36-37; *Ломтев Т. П.* Причинность и вероятность в развитии языка (Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М., I976. С. 302-311).

[22] Отторгает, конечно, не сама система, а люди, владеющие ею, знающие ее. Настороженное отношение общества к различного рода языковым новшествам («неправильностям») хорошо известно.

определяются и значительные трудности в прогнозировании конкретных языковых изменений[23], но в то же время и достаточно высокая степень надежности в установлении общих динамических тенденций развития языка (тенденции к аналитизму, экономии, аналогии, системности, выравниванию парадигм, к открытому или закрытому слогу, переносу ударения на основу или окончание, приведению формы в соответствие с содержанием и т. п.).

Рассмотрим следующие примеры.

I. Достаточно ярким образцом проявления языковых мутаций на фонетическом уровне, на наш взгляд, может служить процесс становления «иканья» (т. е. произнесения редуцированного гласного звука типа [и] в безударном слоге после мягких согласных на месте любого другого гласного) как современной разговорно-литературной нормы в русском языке[24]. В свое время и в своих условиях (в масштабах исторического развития русского национального языка в полном объеме) произошел перебор практически всех возможных в данной позиции вариантов — [т’эта́], [т’ота́], [т’ата́], [т’ита́] и [т’ута́]. Например, в разное время и в разных сферах русского языка были реализованы следующие произносительные варианты словоформы несу: [н’эсу́] — эканье, [н’осу́] — ёканье, [н’асу́] — яканье, [н’ису́] — икание (вариант [н’усу́] в силу основных фонетических тенденций русского языка в данной словоформе не мог быть реализован, ср., однако, вариант произнесения словоформы люблю [л’убл’у́], которая имеет тяготение также к произносительному варианту [л’ибл’у́], т. е. к иканью). Закрепление в настоящее время варианта произношения [н’ису́] произошло в результате длительной конкурентной борьбы отмеченных вариантов как в е р о я т н о с-т н о определяемый итог взаимодействия целого рада системно-структурных, функционально-социальных и функционально-стилистических (а возможно, и

[23] *Горбачевич К. С.* Русский язык. Прошлое, Настоящее. Будущее. М., I984. С. I50-186.

[24] *Колесов В. В.* Историческая фонетика русского языка. М., 1980. С. 196-205; *Динамика* структуры современного русского языка. Л., I982. С. 11-I3.

ряда других, например психологических, эстетических, физиологических и т. д.) факторов[25].

II. Показательным примером лексико-семантических мутаций в различных сферах национального языка и разных языков могут быть результаты сопоставительного анализа семантики русского и английского глаголов с эквивалентными основными значениями — *пасть* и *to fall*. Так, изучение семантической структуры глагола *пасть* в современном русском национальном языке[26] показало, что источник внутреннего единства этой структуры изначально заложен в концептуальном ядре основного (в данном случае и исходного) значения слова или, точнее, в основной идее его корневой морфемы — *-пад-/-пас-* ‘свободное падение’. Исходное значение слова (его внутренние свойства, система существенных признаков) само по себе уже предопределяет возможность наличия у этого слова определенного круга производных значений, которые потенциально всегда существуют в этом значении и где-то (в одной из сфер национального языка), когда-то (в один из исторических периодов его существования), как-то (случайно, окказионально или же системно, устойчиво) должны проявиться в одном из семантических или словообразовательных дериватов этого слова. Конкретные же черты новых элементов семантической структуры слова и возможность их реализации в виде нормы также определяются на основе статистических законов целым рядом экстралингвистических и собственно лингвистических факторов.

Исследованный материал показывает, что развитие системы значений глагола *пасть* шло по трем магистральным направлениям, выявляемым на основе абстрагированных от концептуального ядра исходного значения признаков: а) перемещение, передвижение; б) случайное, неожиданное, самопроизвольное действие; в) переход в иное (обычно худшее) состояние. В

---

[25] Ср. также выяснение вероятностно-статистических характеристик перехода [г] в [γ] в русском языке Т. П. Ломтевым (*Ломтев Т. П.* Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976. С. 302-311).

[26] *Мартинович Г. А.* Семантическая структура глагола *пасть* в современном русском национальном языке: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Л., 1979.

связи с этим производные значения глагола объединяются в три семантических единства — а), б), в). Кроме того, в семантическую структуру глагола *пасть* входит и несколько отдельных значений, основанных на незначительных и малосущественных признаках переноса наименования — случайности, подтверждающие закономерности объединения значений в семантические единства.

Всего, по нашим наблюдениям, в различных сферах и вариантах русского национального языка реализуется около 100 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) глагола *пасть*. Ими, по-видимому, в основном и исчерпываются семантические возможности этого слова. В то же время МАС[27] как нейтральные в современном русском литературном языке отмечает лишь 6 значений глагола. Еще 6 значений в этом словаре снабжены теми или иными ограничительными пометами — *устар*. (4 значения), *книжн*. (1 значение) и *обл*. (1 значение). Всего, таким образом, глагол пасть в МАС отмечен в 12 значениях.

В целом же, можно сказать, что судьба глагола *пасть* в русском литературном языке оказалась трагичной. Форма *пасти* в древнерусском языке была более употребительной, чем *падати*[28], причем глагол *пасти* мог обозначать как недлительные (*Падъ оубо, рабъ тъ, кланэашеся ѥмоу*), так и длительные (*Паде метыль гоустъ по земли и по водэ и по хоромомъ по в҃ нощи , а по д҃ дни*) действия. Дальнейшее развитие видовых значений глагола шло несколько своеобразно. С одной стороны, все активнее входит в употребление форма несовершенного вида *падати/падать*, с другой, продолжается регулярное употребление форма *пасти/пасть* как двувидовой. Так, в значении несовершенного вида глагол *пасть* употреблял еще А. С. Пушкин: *И тихо меч он* [Руслан] *опускает. В нем гнев свирепый умирает и мщенье бурное падет*. Но уже во второй половине XIX в. глагол *пасть* в значениях несовершенного вида

[27] *Словарь* русского языка: В 4-х т. М., 1981-1984. Т. 3, П – Р. 1983.

[28] На это достаточно ясно указывает соотношение количеств значений и иллюстраций к ним в книге: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. II. СПб.,1895.

практически полностью выходит из употребления и уступает место своей имперфектной паре *падать*[29]. Вместе с тем происходит и другой не менее важный для судьбы глагола *пасть* процесс, а именно процесс вытеснения в русском литературном языке этого глагола почти во всех его значениях (в нейтральном употреблении) различными более конкретными префиксальными образованиями – *упасть, припасть, запасть, выпасть* и т. д. И сейчас многим значениям глагола *пасть* в северных русских народных говорах, где эта форма (в отличие от средне- и южнорусских говоров) продолжает употребляться очень активно, в литературной сфере часто соответствуют значения его приставочных образований (ср.: диал. *пасть на грудь* и лит. *припасть к груди* и т. п.).

В конечном итоге из достаточно большого количества семантических мутаций глагола *пасть*, до сих пор проявляющихся тем или иным образом в различных областях (сферах, вариантах, стилях, жанрах и т. п.) русского национального языка, в результате длительной борьбы между различными средствами выражения тождественной грамматической (*пасть — падать*) и лексической (*пасть — упасть, пасть — запасть, пасть — пропасть, пасть — выпасть* и т. д.) семантики в литературной сфере («среде») национального языка «приживается» лишь очень незначительное количество ЛСВ этого глагола. Таким образом, победа в данном случае осталась за более «конкурентоспособными противниками» глагола *пасть*, и далеко не все его семантические возможности реализуются в современном русском литературном языке, хотя никаких собственно семантических противопоказаний для такой реализации нет. Данная тенденция вытеснения глагола *пасть* из русского литературного языка (по крайней мере — из литературно-разговорного), по-видимому, продолжает сохраняться, что обещает дальнейшую деградацию этого слова. В определенном смысле можно сказать, что в настоящий момент это исторически мертвое слово, однако и

[29] О глаголах *пасть* и *падать*, в русской лексике конца XVIII – качала XIX вв. см.: *Авилова Н. С.* Пасть – падать – упадать // Русская речь. 1975. № 6. С. 61-64.

здесь возможны всякие неожиданные повороты, так как принципиально для «оживления» глагола *пасть* также нет никаких запретов.

Изучение семантической структуры английского глагола *to fall* ‘упасть’[30] в общенациональном масштабе показало, что развитие системы его значений практически шло по тем же трем основным направлениям, что и у глагола *пасть* в русском языке[31]. Более того, сопоставление значений глаголов *пасть* и *to fall* выявляет совпадение их подавляющего большинства. Случаи несовпадения семантики этих глаголов в том и в другом языках представлены лишь единичными примерами. Однако глубинные семантические совпадения довольно часто могут сопровождаться и некоторыми различиями на более поверхностных уровнях. Например, в ряде случаев отмечается неодинаковость денотативных значений этих глаголов при тождестве сигнификативных. Так, в значении ‘впасть, втечь, влиться’ русский глагол употребляется только для обозначения впадения реки, ручья и т. п., тогда как *to fall* может относиться к дороге, тропе и т. п.: *Юла-река слева в Пинегу пала* (диал.) — *A road… falling into the road to Philadelphia* ‘Дорога... падающая в дорогу (соединяющаяся с дорогой) в Филадельфию’. Указанные различия проявляются прежде всего в неодинаковой сочетаемости глаголов: *пасть в удивление, тоску, панику* и т. п. — *to fall in love, into a rage, asleep*, etc.

В сходных значениях глаголы *пасть* и *to fall* могут различаться эмоционально-оценочной окраской, стилистической принадлежностью,

---

[30] *Мартинович Г. А., Братусь И. Б.* Опыт типологического анализа семантических систем // Задачи коммунистического строительства и перспективы развития советской филологии. Л. 1982 С. 166-170.

Материалом для изучения семантики глагола *to fall* послужили данные словаря The Oxford English Dictionary. Oxford, 1933, vol. IV, F – G.

[31] М. М. Покровский писал: «...Одинаковые, довольно оригинальные значения в целом ряде языков, независимо друг от друга, вырабатываются одним и тем же путем» (*Покровский М. М.* Избранные работы по языкознанию. М., 1959. С. 76). Ю. В. Откупщиков, исследуя глаголы, связанные с трудовыми действиями, так же делает заключение «о типовом характере важнейших семантических процессов» (*Откупщиков Ю. В.* О семантическом аспекте этимологического исследования // Вопросы теории и истории языке. Л., 1969. С. 208).

степенью устарелости и т. п.[32]. Например, в значении ‘произойти, случиться, иметь место’ *to fall* отмечен как устарелый, поэтический (*If war should fall between yourself and France*) ‘Если бы пала (произошла, случилась) война между вами и Францией’, а *пасть* употребляется лишь в диалектах (*Хорошо живем, только бы войны не пало*).

Сравнение систем значений русского и английского глаголов позволило обнаружить их значительное сходство и принципиальную близость организации. Отсутствие того или иного значения в одном из языков носит случайный характер, и реализация этого значения в нем всегда принципиально возможна. Изоморфические черты систем значений преобладают над алломорфическими и обнаруживаются в первую очередь на глубинном семантическом уровне[33].

Проведенное сопоставление выявило, таким образом, тождественность семантических мутаций, проявляющихся в различных сферах национальных языков, русского и английского глаголов с эквивалентными основными значениями, что подтверждает закономерность этих мутаций, их неслучайность и обусловленность прежде всего внутренними семантическими возможностями (резервами, ресурсами) рассматриваемых глаголов, свойствами их исходных значений[34]. Однако в результате взаимодействия ряда уже отмечавшихся факторов языкового и неязыкового характера в литературных сферах каждого

---

[32] О различных типах соответствий между значениями слов в родственных языках см.: *Будагов Р. А.* Язык, история и современность. М., 1971. С. 109-130.

[33] Говоря о сопоставительном исследовании грамматики русского и английского языков, Л. С. Бархударов писал: «…Между глубинными структурами разных языков существует гораздо больше сходства, чем между поверхностными» (*Бархударов Л. С.* Русско-английские языковые параллели // Русский язык за рубежом. 1972. № 2. С. 67). Представляется, что это высказывание будет полностью справедливым и в отношении лексической семантики.

[34] Здесь, вероятно, правомерно говорить о «случайности неслучайного», т. е. о случайности каждого конкретного проявления (где, когда, как и т. д.) неслучайных во всем их множестве, а лишь варьирующихся в пределах своих свойств и возможностей мутаций. Случайность проявления — неслучайность бытия.

языка закрепляется лишь незначительное количество из возможных ЛСВ этих глаголов.

Многочисленные исследования по речевым ошибкам, употреблениям детской речи, окказионализмам и индивидуально-авторским преобразованиям языковых явлений в художественной речи хорошо известны, и здесь нет необходимости еще раз приводить распространенные в научной и научно-популярной литературе примеры[35].

* * *

Итак, возникновение коммуникативно-информационного обмена в живой природе и собственно речевого общения людей обусловлено их элементарными зачатками (предпосылками) в неживой природе — свойствами отражения и самовыражения (самопредставления), обеспечивающими всеобщую взаимосвязь и взаимодействие явлений природы. Человеческий язык, появившись в силу известных причин как средство речевого общения, прошел долгий и сложный путь исторического развития, образовав в конечном итоге (если исходить из теории моногенеза) все известные в настоящее время на земном шаре языковые семьи, ветви, группы и собственно языки в их различных социальных, функциональных и территориальных вариантах. По своему характеру развитие языка представляет собою эволюционное развитие и подчиняется всем общим закономерностям эволюции в их собственно языковой форме проявления. Спонтанно возникающие в языковом сознании людей формальные и содержательные мутации единиц различных языковых уровней

[35] По исследованиям детской речи и речевым ошибкам см., например, работы А. Н. Гвоздева, С. Н. Цейтлин, К. И. Чуковского, А. М. Шахнаровича. Из авторов работ по индивидуально-авторским употреблениям отметим некоторых исследователей поэтической речи В. В. Маяковского — О. И. Александровой, Г. Винокура, В. П. Петрушкова, В. И. Фатющенко, Э. Ханпиры. Неологизмы и окказионализма в русском языке исследовались А. А. Братиной, В. В. Лопатиным, А. Г. Лыковым, В. И. Максимовым, И. Ф. Протченко. Большой и очень интересный в рассматриваемом отношении материал представляют словари языка и словоупотреблений писателя (А. С. Пушкина, М. Горького и др.), словари новых слов и значений и многочисленные публикации в журналах «Русская речь», «Русский язык в школе», «Русский язык за рубежом» и некоторых других.

неизбежно должны завоевывать свое право на бытие в постоянной конкурентной борьбе за существование, проходить тернистый путь естественного и искусственного (нормализаторская деятельность ученых-лингвистов — своеобразный вид селекции) отбора и адаптации — закрепления в языке в качестве новой нормы с тем, чтобы, в силу закона отрицания отрицания, вновь через некоторое время уступать место более совершенным и жизнеспособным языковым мутациям.